

Цзян И всегда прекрасно знал меру. Опасаясь, как бы господин не стал обсуждать с мальчиком для развлечений что-то лишнее, он нарочно отошел чуть дальше — так, чтобы и за обстановкой вокруг приглядывать, и случайно не услышать того, чего не следует.

Но даже несмотря на это, яростная возня изнутри кареты доносилась и до него: бац-бац, трах-бах — словно они собрались эту самую карету разнести по дощечкам. Он невольно скосил глаза в ту сторону: поперечные балки под колесами мелко дрожали от толчков, принимая на себя немалую нагрузку.

Он как раз раздумывал, не отойти ли еще подальше, как увидел спешащего к нему Бэйтан Ле. Тот понизил голос и спросил:

— Где господин? Куда он этого парня уволок?..

Цзян И нахмурился и выразительно покосился на карету.

Не успел Бэйтан Ле вымолвить что-то еще, как изнутри донесся приглушенный, полный гнева окрик:

— ...Ты бесстыдник! ...Делай со мной что хочешь, я ни за что не стану сопротивляться...

Подобные фразы в сочетании с покачивающейся каретой невольно наводили на мысли интимного характера.

— Ох тыж...

— У господина свои планы, нам лучше не прислушиваться, — произнес Цзян И, развернулся и зашагал прочь, оставив Бэйтан Ле задумчиво смотреть на карету. Пройдя пару шагов, он оглянулся и потащил Бэйтан Ле за рукав за собой: — Подслушивать чужие разговоры — не дело благородного мужа.

— Ты-то благородный муж, а я и не рвался им быть... Не тяни, не тяни меня...

И Бэйтан Ле был утащен.

—

Что творилось снаружи, Цзун Цзинь не знал; перед лицом Хэлянь Хэна он был слаб и беспомощен, и лишь в глазах по-прежнему полыхало яростное пламя.

Прежде Хэлянь Хэн был для него лишь одним из бесчисленных соперников — просто самым

напористым из всех. Цзун Цзинь терпеть его не мог, но в этой неприязни крылась и доля уважения. Юйчи Лань ни в грош никого не ставил: ни клан Хуанфу, занимавший столь выгодное географическое положение, ни клан Сыма, вечно следивший за ними хищным взглядом, — для него всё это было не лучше пекинской капусты на грядке и никакой угрозы не представляло. Даже правящий клан Сэндай, что по сей день прочно восседал в городе Тяньду, Юйчи Лань никогда не принимал всерьёз.

Лишь Хэлянь Хэн. Среди множества неприятелей один лишь Хэлянь Хэн мог считаться достойным противником, равным ему по силе.

Но теперь он ненавидел Хэлянь Хэна лютой ненавистью.

Потому что в первую же ночь после возвращения в чужом теле его изнасиловал Хэлянь Хэн. Такое неслыханное унижение, пожалуй, не удастся забыть, даже если переродиться и испытать супа забвения Мэн По.

Однако Хэлянь Хэну были безразличны ни его угрозы, ни этот свирепый взгляд.

Даже когда Цзун Цзинь прекратил сопротивление, приняв вид человека, готового встретить смерть лицом к лицу, Хэлянь Хэн и не думал останавливаться. Сжав в руке кинжал, он со злобным размахом нанес удар прямо в горло.

В самый последний момент Цзун Цзинь невольно зажмурился.

Кинжал рассек воздух, издав у самого уха резкий свист; однако ожидаемой жгучей боли не последовало, лишь что-то скользнуло по его боковой стороне шеи.

Кинжал вновь пронзил гусиный пух подушки, с глухим стуком вонзился в дерево — и замер.

Цзун Цзинь медленно открыл глаза: ненавистное лицо Хэлянь Хэна оказалось совсем близко. Грудь Цзун Цзиня тяжело вздымалась, и он сбивчиво произнес:

— Я даже не увернулся, неужели и так промахнешься?

Теплая кровь сочилась из мелкого пореза на боку шеи, оставляя на коже яркий алый след, который просачивался под воротник одежды.

Хэлянь Хэн взглянул на кровь, после чего его взгляд быстро переметнулся на переносицу Цзун Цзиня. Холодно бросил:

— Не боишься смерти?

— Чего тут бояться, — через силу скривил губы Цзун Цзинь и жалко усмехнулся. — Разве на свете есть тот, кто не умирает? Смерть и смерть, чего с нее взять.

Да и умирать ему было не впервой.

А вдруг после этой смерти он снова переродится, сменит оболочку и заново вернется к жизни в чужом теле?

Мужчина выпустил рукоять кинжала и, словно разъяренный его отношением, вдруг схватил его за подбородок:

— Кем ты приходишься Юйчи Ланю?

— Кем прихожусь... Какое тебе дело? — с трудом выдохнул Цзун Цзинь.

— Ты заявляешь, что из клана Юйчи, и утверждаешь, что у тебя с Ло Чэньхуанем кровная месть... Кто твой отец?

— Какое тебе дело?

Рука Хэлянь Хэна тут же сжалась сильнее, он давил изо всех сил, отчего щеки Цзун Цзиня ввалились, и тот рефлексивно попытался оторвать его пальцы.

Но перед лицом Хэлянь Хэна сила Цзун Цзиня была подобна попытке майского жука пошатнуть дерево.

— Неужто хочешь сказать, что твой отец — Юйчи Лань, а погиб он от руки Ло Чэньхуаня? — Мужчина наклонился еще ниже, его волосы свесились и упали Цзун Цзиню на грудь. — Юйчи Ланю всего двадцать шесть, у него никак не мог быть ребенок твоих лет.

— ...

— Говори.

— Отпусти, — с трудом выдавил Цзун Цзинь. — Если не отпустишь... как я скажу...

Мужчина и впрямь немного ослабил хватку.

Стоило пальцам разжаться, как Цзун Цзинь зашелся кашлем — лицо его покраснело от притока крови, глаза наполнились слезами, но он по-прежнему в упор, свирепо, словно дикий зверь, вглядывался в него, не отводя взгляд ни на секунду.

Мужчина задался этим вопросом вовсе не из-за тех слов, что Цзун Цзинь наговорил Бэйтан Ле. А потому что... слишком уж похож. Поразительно похож. Бэйтан Ле, который хоть раз издалека видел Юйчи Ланя во время противостояния двух армий, и тот нашел сходство, что уж говорить о нем самом — ведь ему довелось лично сходить в бою с Юйчи Ланем, сражаясь с ним на равных.

Цзун Цзинь прижимал руку к горлу, долго откашливаясь, затем нащупал кровь на шее и поднес ладонь к глазам, разглядывая ее.

— Как бы то ни было, а с Ло Чэньхуанем у меня счеты, — совсем тихо проговорил мальчик для развлечений, вынуждая мужчину напрячь слух и ловить каждое его слово. — И Юйчи Ланя убил тоже он.

— Доказательства?

— Доказательств нет, — ответил Цзун Цзинь. — Хочешь верь, хочешь нет...!

Не успел он договорить, как неожиданно перешел в атаку. Его окровавленная рука вдруг обвила шею мужчины, и в это движение он, казалось, вложил все оставшиеся силы; сдернуть мужчину вниз ему не удалось, но, используя этот упор, он напряг поясницу, резко приподнял верхнюю часть туловища и прижался грудью к груди Хэлянь Хэна.

Нападение произошло слишком быстро и внезапно, и в следующее мгновение Цзун Цзинь широко раскрыл рот и через ткань одежды впился зубами в плечо Хэлянь Хэна.

<http://bllate.org/book/22011/2288240>